

БАСАРИЯ ЭТЕРИ ФЕДОРОВНА

«В ОТЧЕМ ДОМЕ»

Ставни были прикрыты, но сквозь щели щедро просачивало солнце. Было душно. Стена из каштанового дерева и через обои пахла лесом.

У самой стены стояла кровать, застланная колючим шерстяным одеялом. Заира лежала поверх него и старалась думать. За стеной жужжала не то пчела, не то оса, а вообще было тихо и неподвижно, как бывает в знойный полдень.

Дверь распахнулась и важно вошел Мард. Солнечный свет хлынул за ним. Он быстро прикрыл дверь, широкими шагами подошел к кровати, протянул Заире большой помятый персик и сказал, чтобы у нее не оставалось сомнений:

— Тебе!

И повернулся уйти. Но Заира успела ухватить его за руку.

— Какой ты у меня молодец, о матери заботишься.

Заира коснулась свободной рукой волос Марда. Он отклонил голову и осторожно попытался высвободиться.

— Или бабушка велела принести персик, а, зайчик?

Он промолчал. Ему не нравилось, что она называет его зайчиком. Куда лучше бабушкино: «день мой светлый», длинно, не совсем понятно, зато привычно. А зайцы в лесу водятся, их часто стреляют соседи Рема и Муча. Они же говорят, что зайцы трусливые. Мард не трус. Он мужчина. Дед однажды сказал: «Трусливый мужчина не стоит объединенного куса мамалыги». Нашла тоже зайчика, эта Заира! Раньше, когда Мард был поменьше, соседки донимали его вопросами: кем же ему доводится Заира, почему он ее по имени называет. Мард неизменно отвечал, что Заира дочь бабушки, а он бабушке внук, потому-то и с Заирой состоит в родстве. Но то было раньше. Теперь-то Мард знает как ответить: Заира — его мать. Но он по-прежнему называет ее по имени, хотя бабушка и ругает — сердца, говорит, в тебе нет, мать матерью назвать не можешь...

— Заира, куда девался ребенок? Не у тебя? — кричит с огорода Гушка, бабушка Марда. В полдень в огороде делать нечего, да еще в зной, Заира знает, что мать сейчас стоит у самой стены, опираясь на черенок мотыги и, высвободив большое бурое ухо из-под белоснежной косынки, прислушивается, что у дочери делается.

— Будто не знаешь, где он! — отзывается Заира.

Мард, заслышав голос бабушки, выдергивает руку из ладони Заиры и выскакивает наружу. За собой он оставляет распахнутую дверь. Заира поспешно поднимается, чтобы прикрыть дверь, но на пороге нерешительно останавливается и выходит на крыльцо. Треугольный, как аккуратно вырезанный клином кусок пирога, двор с выжженной травой безлюдно лежит под солнцем.

За домом заливается смехом Мард. И чего это его прорвало? Неделями иногда улыбки из него не выдавишь.

— Не топчи цветы, теленок! — доносится голос бабушки. Возьму да отхлестаю крапивой, будешь знать!

— От цветов никакой пользы, никакой! — поет Мард. — Мы с дедом вместо них перец посадим...

— Я сейчас покажу тебе! — грозит бабушка.

И Мард с хохотом выбегает из-за дома, оглядывается на мать и припускает к лавочке у ворот.

— Целых шесть лет, а ума — кот наплакал! — кричит вслед бабушка.

Мард не оглядывается, только быстрее мелькают загорелые босые ноги. С ранней весны до поздней осени Мард ходит босиком.

Какой только обуви не покупает ему Заира: и туфли, и сандаlette, и ботинки, и всевозможные тапочки, есть у него и сапожки, а он — все босиком.

— Ты в его возрасте тоже так бегала и ничего, здоровая выросла! — машет рукой Гушка. — Он же дома босиком ходит. К чужим без обуви не пойдет, не бойся, не посраммим, сиротой он у нас не выглядит.

— Не в том дело, мама...

– А в чем? Открой глаза глупой старухе! – парирует Гушка.

Ее-то не переубедишь!

...Гушка прислонилась к стене мотыгу, осторожно подошла к плетню и глянула во двор. Так и есть. Заира стоит на крыльце, сложив на груди руки, словно мать над разоренным очагом.

Сколько раз говорила ей Гушка: не складывай так руки – дурная примета, но разве она послушается?! А этот сорванец сидит на лавочке у ворот, крутит черноволосой головой во все стороны, как выпавший из гнезда дрозд, который опасается, что на него наступят, и никакого на мать внимания. Знает ведь, что она на него смотрит, хотя бы обернулся... Гушка возвращается к ореховому дереву в глубине огорода. Не к месту здесь это дерево, пол-огорода под его тенью чахнет. Сколько раз говорила Гушка мужу: сруби, все равно плохо плодоносит. Он же все не решается, жалко ему, видите ли, сам в молодости посадил... будто, для того, чтоб им любоваться.

– Была бы хоть какая-нибудь польза, ни слова бы ни сказала, – сердито бормочет дереву Гушка, взглядом меряя, как далеко достает тень. Она кряхтит, вполголоса проклиная жару и старые кости, опускается на выступающий корень, утирает пот с длинноносого сморщенного лица.

«Надо было мальчонке велеть здесь посидеть, как-никак прохладнее, – с сожалением думает она. – У ворот одна только куцая зимняя яблонька, какая от нее тень? Хотя бы голову шапчонкой защитил, сорванец. Вот сшила ему Заира из войлока шапку. Уж как старалась – и бахромой обшила, и солнце на макушке вышила. Говорила же ей Гушка, чего так стараешься, для дома же, или в этой шляпе хочешь снарядить его сватать невесту!» Заира усмехалась и чуть ли ни целую неделю провозилась со шляпой. А Мард взял и пустил ее вниз по речке, как бумажную лодчонку. И вслед не посмотрел. Бросил и повернул обратно. Гушка как раз шла за водой, заметила его проделку, поспешила вниз по речушке – перехватить, но не успела – уплыла шляпа.

– Ты что, разбогател, разбойник? – накинулась на него тогда Гушка. – Вещи свои по воде сплавлять.

Жалко было шляпу, а больше – старания Заиры. А этот малец дерзко так посмотрел на нее, сама, говорит, уплыла...

– Хочешь баловаться, так из бумажек лодчонки спускай, а не собственную шапку.

– Мне лодки даром не нужны! – сказал он презрительно и ушел.

Это правда, что Мард не любит пускать лодки по воде, он больше запруды на речке сооружает, да мельницы из кукурузных кочерыжек. Когда ставит мельницы, он всегда приговаривает, совсем как старый мельник Коста:

– Много воды – плохо, мало воды – плохо. Всем надо помолоть в срок, а никто не спросит: не надо ли тебе что-нибудь или твоей старой мельнице? До этого никому нет дела.

Мард всегда увязывается за дедом, на мельницу. Там и наслушался, наверно, ворчания старого мельника. Теперь и отучить не отучишь. Да и зачем? Что в том плохого? Только Заира, слушая его рассуждения, так тяжело вздыхает, словно это стеной стоит меж ними... Не сложилась жизнь у дочери, острой занозой это в сердце у Гушки, из-за своевольного ее характера да гордыни отца не сложилась. А как замечательно было вначале! Никто не верил, что после сельской школы Заира выдержит испытания в далеком северном городе в мединститут. Нашлись заботливые соседи, которые советовали не отпускать дочь так далеко, что ни говори, спокойнее, когда девушка на глазах. Дочь не сын, нельзя же ей давать полную свободу как парню. По правде говоря, и Гушка предпочла бы, чтобы дочь была под боком. Но когда Заира, утерев нос всем недоверчивым односельчанам, поступила учиться на доктора, тут у какой бы матери сердце от радости не разошлось?! Хакуц, отец Заиры, радовался, по своему обыкновению, молча. Но радость, как и горе, – не спрячешь и потому, несмотря на неодобрение Хакуца, каждому человеку, который перешагивал порог, Гушка пространно рассказывала где и на кого учится Заира. Хакуц морщился, но Гушка знала, ее не проведешь, что он доволен. А тут приехала летом на каникулы Заира и в то же время стороной узнала Гушка, что у дочери, дружба завязалась там в институте с сокурсником, с сыном всеми уважаемого человека, тоже из этих краев. А известно, к чему ведет дружба между девушкой и парнем, долго разъяснять никому не надо. Гушка сразу с расспросами к Заире, что за парень, да какие у него намерения, да держит ли себя с ним Заира, как подобает скромной девушке. Но Заира отмалчивалась.

Покраснела только и сказала, что действительно сын этого уважаемого человека учится в их институте, только курсом старше. И только! Гушка попыталась подразнить дочь, разве, мол, такой парень посмотрит на нее? Та усмехнулась и промолчала. Затем Гушка испугалась, вдруг Заира и впрямь посчитает себя недостойной того парня так и счастье недолго проворонить – принялась расхваливать дочь, уверять, что если она не поторопится, с умом, с оглядкой, будет поступать, так ей такое счастье может привалить, всем подружкам на зависть. Да и родители распрямят спину на радостях. Словом, высказалась Гушка начистоту, а дочь и ухом не повела.

Главное: оказывается, решено было уже все у них, и когда он приедет за ней, и когда увезет, вроде умыкнет, чтобы избежать пышной свадьбы в доме ее отца, мол, лишние траты ни к чему. Ишь, какие оказались практичные! В тот день пришла соседка и принесла в мисочке мед в сотах.

Заира сказала, что мед сквозь соты светится, как солнышко, пойманное в клетку. Соседка не очень-то поняла, что имела в виду Заира, застенчиво улыбнулась: – Рано еще смотреть улы, но хотела успеть до твоего отъезда, знаю ведь, как любишь мед. Заира как кинулась к ней, да давай ее целовать, обнимать, будто та ей кусок золота принесла. В конце концов и Гушка никогда к соседям с пустыми руками не ходит, нечего было с ума сходить из-за этого меда, словно у них сроду улья не бывало. Потом Заира как ошалелая выскочила за дверь. Гушка удивилась, но ничего не заподозрила, безголовая. Хотя, что толку, если бы заподозрила? Кровь, которой суждено утечь, никакими силами в венах не удержишь...

До самого вечера не выходила Заира из своей комнаты. А вечером заявила, что пойдет с соседской девушкой Такуной в клуб, привезли, мол, новый фильм. Гушка отпустила ее. Такуна тоже была студенткой, слыла скромницей, разумницей, не зазорно было Заире с такой подругой появиться на людях. Гушка с удовольствием отметила, что на этот раз дочка вняла ее совету, надела лучшее платье и туфли, а то бегает по селу в ситцевых платьях, как школьница... Ветер еще гуляет в голове у Заиры, что и говорить...

Перед уходом в клуб Заира неожиданно обняла мать за плечи и поцеловала:

– Да что с тобой сегодня? – поразилась Гушка.

И опять ничего не заподозрила, ну и обвела же вокруг пальца хитрая девчонка.

Через час прибежала молоденькая счетоводка Люна, которую про себя Гушка называла Цоркой. Она не одобряла в Люне ни лишней худобы, ни вертлявости, ни разговорчивости, ни того, что та откликалась переливчатым смехом на каждую неуклюжую шутку деревенских парней.

– Где Заира?

– Пошла в клуб!

Цорка зыркнула на нее быстрыми глазами, коротко засмеялась и огляделась по сторонам, будто в поисках парней, чьи шутки привыкла сопровождать хохотком.

– И Хакуца нет дома? – допытывалась Цорка.

– У соседей! – ответила Гушка нехотя.

Уже почуяла: неспроста Цорка все выпрашивает, но так толком от нее ничего не добилась. Покривлялась она еще во дворе, не согласилась войти в дом, сославшись на занятость. Какие могут быть дела у таких вертихвосток? И ушла.

Вскоре вернулся Хакуц. По тому как он оставил за собой открытой калитку и глубоко вложив руки в карманы, подняв высоко голову, пошел к дому, Гушка тотчас поняла: стряслось неладное.

Раз Хакуц идет задрав голову и не смотрит под ноги, будто надеется, что если он земли не будет видеть, то и земные заботы от него отступят, уязвлен чем-то сильно.

– Под ноги гляди, под ноги, еще споткнешься! – крикнула ему Гушка с крыльца.

Она чувствовала, как страх холодком разливается в ней и старалась не поддаваться.

– Обрадовала дочь! Такой же ей радости! – буркнул Хакуц, не глядя на нее.

– Что? – вскричала Гушка. – Что с моей девочкой?!

– Беги теперь, догони! Замуж она вышла, вот что!

– Неправда! – вскричала Гушка. – Неправда!

И кинулась в комнату дочери.

Все вещи были на месте и тут с обессиляющей ясностью она поняла: умыкнули! Какой-то голодранец умыкнул! Прослышал, что хорошему парню она приглянулась и умыкнул,

чтобы опередить.

– Похитили! – закричала она. – Похитили. Не было у моей дочери тайн от меня!

– Тайны не было! – хмыкнул за стеной Хакуц. – Однако с Такуной поделилась, в подружки взяла, тебя-то не с руки было.

– Кто он?

– Тут она тебя не опозорила, – сухо засмеялся за стеной Хакуц и по его голосу можно было понять, как бы он нос не задира, а земля крепко держит его в своих тисках, как держит каждого.

– Не опозорила! И назвал имя того парня, о котором выпытывала у дочери Гушка. Она, обессилев, прислонилась к стене и через некоторое время запричитала:

– Не взять ни одного платица, халатика! Будто из дупла вышла, а не из отцовского дома. Что подумает родня жениха о нас.

– Зачем ей твои вещи? – прокричал с веранды Хакуц.

Старик еще хорохорился.

– Скажи «спасибо» и вслед старую шляпу брось, что благодаря дочери с таким человеком породнился! – сказала она в стену, борясь со слезами.

Нет, не глупой оказалась Заира, не легкомысленной. Завтра люди узнают: женился единственный сын всеми уважаемого человека. Спросят: на ком? На дочери Хакуца.

Хакуц тоже не лыком шит, видят люди, чести своей он не запятнал, и все-таки куда ему до славы того человека. Поделилась бы дочка с матерью, разве та возражать стала? Разве Гушка не понимает, что счастье косяком не ходит, постучалось в ворота, впускай скорее! Разве она стала бы поперек дороги дочери? Сама не собрала бы в дорогу, чтобы не стыдно было перед чужими людьми? А то, виданное ли дело, из дому в одном платье ушла, как нищая. Не подумала, глупая, что в такой дом надо войти с достоинством! Глупая совсем! Но и спрос какой? Девятнадцати еще нет! Постеснялась, видно, признаться матери, мол, выхожу замуж. Так ведь могла и не сама, могла ведь через Такуну передать. Разве Гушка стала бы ее донимать? И отца исподволь подготовила бы. А то, как обухом по голове...

Гушка поспешила на крыльцо. Хакуц полулежал на деревянном топчане и, не открываясь, смотрел в потолок, будто боялся ненароком бросить взгляд на землю.

Гушка заплакала.

– А чего плакать? Счастье такое привалило! – не глядя на нее, кинул Хакуц.

Так ни разу за весь вечер он не посмотрел на нее. И долгое время не оттаивающей льдинкой носила в себе Гушка обиду. Не захотел он, чтобы она разделила его горя, не захотел и все, будто она была чужая, будто больше, чем у нее, матери, у кого-то могло болеть сердце.

– Чего там! – отмахивался позже Хакуц. – Ты ведь до смерти была рада заполучить такого зятя.

Может и была рада! Многие матери могли бы позавидовать тогда Гушке, такое счастье выбрало Заиру! Все-таки, все-таки...

И птицы радуются, когда птенцы научатся летать. Но, наверно, и им слишком просторно в опустевших гнездах.

Хакуц ни разу с тех пор, как вышла дочь замуж, не заговорил по своей охоте ни о ней, ни о зяте. На следующий день, после того, как он принес весть о замужестве дочери, Хакуц съездил к двоюродному брату в Сухум. Вернулся еще выше неся голову, чем накануне, а на вопрос Гушки, не слышал ли он добрых вестей, проворчал: – Ничего такого не слышал, что бы нас осчастливило.

Гушка не раз заводила с ним разговоры о Нодаре, так звали зятя.

Хвалила во всю и не очень преувеличивала – парень был достоин всяческих похвал – передавала мужу и то, как хорошо отзывается о нем и его отце люди. А Хакуц как воды в рот набрал.

Только однажды обронил:

– Цены она себе не знает, дуручка. Пожалее, но реку вспять не повернешь. Такой силы даже свекор твоей дочери не имеет.

– Оставь свои насмешки! – всплеснула Гушка руками. – Не думай, что твоя дочь лучше других. Но его насмешка разбредила ей сердце и после долго хвалила она зятя и всю его родню, однако из Хакуца больше не сумела вытянуть ни доброго, ни худого слова.

– А, Мард, герой из героев, добрый день! – услышала Гушка и встrepенулась.

К ним пожаловал сосед Мыса. Это у него такой звонкий молодой голос и с Мардом

побалагурить любит.

Она быстро поднялась с места, но некоторое время не могла сдвинуться – затекла нога. Она потерла колено и, прихрамывая, поспешила на голос. Стыдно признаться, но теперь, когда при Заире к ним заглядывают соседи или знакомые, Гушка ни минуты не чувствует себя спокойной. Временами ей кажется: дочь забыла, как вежливо обходиться с людьми.

– Заходи, Мыса, заходи! – крикнула Гушка, едва выбравшись из огорода.

Сосед стоял у ворот, держась одной рукой за штакетник. Изпод широкой войлочной шляпы он смотрел во двор хитрыми глазами, небось все примечал, должно быть, заметил и Заиру, которая не спешила сбежать с крыльца навстречу гостю.

– Ослепла, что ли? Не видишь, человек пришел! – вполголоса бросила через плечо дочери Гушка и заторопилась к воротам: – Входи же, Мыса.

Он вошел и церемонно поздоровался с Мардом.

– Чего вскакиваешь с места, из-за меня, мальчишки, Мард. Сидел бы не беспокоился!

– Как можно, – степенно ответил Мард. – Упаду, что ли, если постою.

Гушка услышала, как за спиной вздохнула, словно всхлипнула Заира.

Мыса приветствовал и Заиру с шутиливой торжественностью:

– Здравствуй, доктор! Когда же, наконец, приедешь навсегда домой? Думаю, вернется дочь Хакуца доктором, ни один черт меня не возьмет... Только ты уж поторопись, а то чую: проклятаято с косой стучится у ворот.

– Не упоминай о ней, – замахала руками Гушка. – Еще накличешь беду!

– Как бы она сама не вспомнила про меня! – жизнерадостно засмеялся Мыса.

Был он крепок, здоров, полон неубывающих сил, потому говорил о смерти легко, полагая, что в его солидном семидесятилетнем возрасте приличествует время от времени упоминать о том, что жизнь не вечна.

– Потерпи еще годок, – сказала Гушка. А Заира только улыбнулась.

Гушка пригласила соседа в дом, но он прошел к разветвистой алыче.

Опередив всех, Мард принес с кухни табуретку для гостя. Бабушка похвалила его улыбкой. Он понял и побежал за скамейкой для нее.

– А куда же сядет мать? – спросил Мыса, – когда он вернулся со скамейкой для бабушки.

Он исподлобья посмотрел на Мысу, теснее прижался к боку Гушки и не сдвинулся с места.

– Ничего, я постою! – сказала Заира, краснея.

Мыса тотчас обратился к Гушке:

– Ну и жарится! Мухи на лету мрут. Выжжет все солнце, если гроза не подоспеет.

«А то без тебя не видно, что жарится!» – раздосадованно подумала Гушка, но вслух вежливо поддержала: – И не говори, Мыса, все соки из нас высосала.

Мыса снял шляпу, обнажив блестящую от пота лысину, принялся обмахивать лицо, потом нахлобучил на колено шляпу, пожаловался: – В глотке пересохло, Гушка.

Вот бы вашей родниковой воды, да смешать ее с мацони, лучшего для сегодняшней погоды не придумаешь!

– Чего, чего, а воды и мацони у нас вдоволь, – сказала Гушка. – Заира, приготовь Мысе.

– У вас всего вдоволь, – согласился довольный Мыса.

Мард побежал за матерью на кухню. И стоя на пороге, внимательно наблюдал за тем, как Заира положила в большую фаянсовую кружку белый-пребелый, прохладный даже на вид, как горсть снега, мацони, залила из ковшика водой, старательно размешала, поставила на блюдце.

– Хочешь и тебе приготовлю? – И даром не нужно! – сказал он презрительно.

– Может, сам угостишь дядю Мысу! – Мысу! – сердито поправил Мард отбрасывая как оскорбительное это чужое словечко «дядю», но совсем отказаться духу не хватило. Он молча, нахмутив брови, принял из рук Заиры, блюдце с кружкой и понес Мысе.

– Спасибо, Мард, побеспокоил тебя! – вежливо поблагодарил Мыса, привстал и взял с блюдечка кружку. С его колен свалилась шляпа. Мард поставил прямо на травку блюдце, кинулся ее поднимать и отряхивать.

«Какие мы вежливые!» – с внезапным раздражением подумала Заира.

Он подал шляпу Мысе и глянул на бабушку, та одобрительно кивнула. Мард сделал шаг назад и наступил на блюдце. Оно с приглушенным хрустом разломилось. Мальчик

вспыхнул до самых ушей, но ни на кого не взглянул и под ноги не посмотрел. Отошел в сторону и чинно стал дожидаться, когда Мыса опорожнит кружку. Лицо его было напряженно, Заире показалось, что он вот-вот заплачет. Она шагнула к нему, обняла за плечи, наклонилась и, почти касаясь губами его горячих, пахнущих солнцем волос, прошептала: — Ничего, малыш, не беда, с каждым может случиться! Он вырвался и бросился к дому.

— Только что ли увиделись после долгой разлуки! — недовольно бросила смущенная Гушка.

Ей было неловко, что Заира при чужом человеке, да еще старике, вела себя так несдержанно. Все любят своих детей, но незачем это показывать.

Мыса улыбнулся и стал хвалить мацони, будто все остальное миновало его зорких глаз. Как бы не так. Уж Гушка знает его. Она предложила соседу еще разбавленного мацони, но он решительно отказался.

Заира вернулась на кухню с кружкой. В углу, на лавочке сидел Мард и смотрел на стену.

— Пойдем к роднику, наберем свежей водицы! — предложила Заира.

Он посмотрел в распахнутую дверь на бабушку и Мысу, что-то прикидывая про себя.

«Как старичок, все взвесит, все обсудит!» — горько подумала Заира и тотчас сердце радостно толкнулось в груди. Мард встал и взял со столика в углу эмалированный зеленый чайник. Заира подхватила ведро, вылила за порог воду.

— В кадку надо было! — сказал Мард.

— Я как-то не подумала, — растерялась Заира.

— Выливать все мастера! — сурово сказал он.

Всю дорогу к роднику она сочиняла для Марда какой-нибудь веселый озорной вопрос, но так ничего не придумала. Просто она боялась, что в ответ он глянет через плечо сумрачными глазами, будто поражаясь ее глупости. Потому ничего и не придумывалось. И откуда у него такой осуждающий взгляд? Отец Марда — веселый парень. Очень веселый и легкий, что называется обаятельный.

Впервые Заира увидела его во дворе института. Шел третий день занятий, но праздничное настроение по-прежнему ощущалось во всем: и в том, как шумно приветствовали студенты преподавателей и друг друга, и в подробных рассказах первокурсников о тревожностях на вступительных экзаменах, уже не страшных потому, что были они позади, но причастных к нынешнему празднику, ведь экзамены служили как бы пропуском на этот праздник и эти пропуска даром не давались. Оживлены были и те, кто учился не первый год, они дружелюбно поглядывали на друзей: намного ли изменились за лето и оставались всем довольны. Взаимное довольство друг другом — это тоже преимущество первых дней после разлуки.

Заире было одиноко в оживленной праздничной сутолоке.

Было странно и обидно, что в этой нарядной говорливой молодой толпе, так мало даже едва знакомых лиц, не говоря уже о близких. К ней пробрался высокий статный парень, темноволосый и неожиданно светлоглазый, гладковыбритый, бодрый, как весенний лес после ливня.

— Здравствуй, землячка! — поздоровался громко. — Добро пожаловать в северные края. Привезла привет с родной земли? Несмотря на то, что показался он ей таким молодым, парень говорил смело и смотрел на нее свысока, то ли из-за роста, то ли еще почему-нибудь.

— Может и не землячка, — сказала она сурово, отворачиваясь от его открытой дружелюбной улыбки. Но он заговорил с ней на родном языке, просто и сердечно. Лицо его выражало радость, будто давно ждал этой встречи и сама она неожиданно подумала: «Как славно, что среди чужих людей оказался земляк!» В стороне группа ребят не сводила с них глаз и выкрикивала: — Нодар! Нодар! Мы ждем, Нодар! Он обернулся к ним с тем же радостно-оживленным лицом, махнул рукой. — Меня! — объяснил торопливо. — Знают ведь, что получил из дому денег. Ждут обещанного угощения. Прямо без меня жить не могут.

И хотя последние слова он произнес с усмешкой, было видно: донельзя доволен, что без него обойтись не могут.

— Ты в общежитии живешь? — спросил он.

— Да, а вы? Она подчеркнула последнее «вы», чтобы укорить его за фамильярность. Он понял, разулыбался:

– Ты не обижайся! Просто у абхазов никогда не было принято обращаться друг к другу на «вы». Вот я по привычке.

– Нодар! И впрямь не было жизни без него! Нодар напоследок улыбнулся ей, пожал руку своей мягкой ладонью, обещал приехать в общежитие, хоть сам там не живет, снимает комнату, и побежал к друзьям. Они встретили его шумно, весело похлопали по плечу, раза два оглянулись на Заиру, кто-то шутливо погрозил Нодару пальцем, затем гурьбой направились к воротам. Он выделялся среди всех. Среди его друзей были и повыше и постройнее и гораздо лучше одеты, может, и с большим достоинством держались. А он вот выделялся. Наверно потому, что был общим любимцем. Никто не знает как стать общим любимцем, но любимцев каждый распознает даже в самой густой толпе. «Хорошо ему, столько друзей!» – с завистью подумала Заира.

И всегда у него было много друзей, так много, что иногда он даже путал их имена, но никто на это не обижался. Никому ведь в голову не могло прийти, что он нарочно... И правильно, что не могло прийти. Нодар никогда ничего нарочно не делал, как не делал и через силу. Делал, как получалось... Молча спускались Заира и Мард к роднику. Она неожиданно вспомнила до чего любили в детстве соседские мальчишки и девчонки играть у родника или у реки, какой всегда стоял хохот, как старались, оставаясь сами сухими, обрызгать других водой. И тот, кому меньше всех доставалось, конечно, считался самым ловким.

Было весело и страшно попасть под струю воды, словно то был кипяток.

«Сейчас я тебя растормошу!» – веселея подумала Заира, обогнала сына, отставила в сторону ведро и набрав полную горсть ледяной струи, что бежала по деревянному желобку, брызнула на Марда.

– Защищайся! Он отпрянул и сдвинул брови.

– Ну, – смеялась Заира. – Давай!

Она отступила, чтобы он занял выгодное место у самого желобка!

– Кто не боится, тот в наступление идет!

Мард не сдвинулся с места.

– Воду загрязнишь, пить ведь будет нечего! – сказал он, глядя вбок.

– Можно ведь не загрязняя, в конце концов!

– Так не бывает, – буркнул он. Осторожно поставил рядом с собой чайник, спустился в овраг, где белели камешки, и принялся их собирать.

– А камни собирать можно? – старалась насмешничать Заира.

Мард не повернул к ней головы.

До чего он был загорелый, словно с ранней весны ходил за плугом в поле... Такая жаркая земля... такая сухая, а он босиком.

– Придем домой, сандаletки наденешь! – строго сказала Заира. – Хватит босиком шастать. Вот наступишь на пчелу, будешь знать. Ты гляди, что в саду делается, под каждым деревом чуть ли ни рой пчел, откуда только берутся! На каждой гнилой груше по сто пчел, да и на цветах тоже. Вот нечаянно наступишь на пчелу, а она ведь не знает, что ты нечаянно, возьмет да и ужалит!

– Тысячу раз наступал, – перебил он. – Тысячу раз!

– Вот видишь!

– Пчела не змея, – объяснил Мард. – Ее укус полезен, а не вреден! – Может, еще скажешь, что не больно? Я знаю, как в детстве боялась пчел! А ужалят, так целый день могла проплакать...

Он кинул на нее через плечо презрительный взгляд. Нашла, чем хвастать! Не много ума надо, чтобы плакать. Так говорит дед... А эта расхвасталась... Целый день плакала... Целый день плакать вообще невозможно...

Заира схватила ведро, со стуком поставила под струю, отвернулась от сына.

...Больше года были женаты Нодар и Заира, а сыну минуло два месяца, когда, наконец, Хакуц пригласил зятя в дом. Поговаривали, что он затеял это только ради дочери.

Некоторые односельчане возмущались: «Глядите, старый из ума выжил! Слышали ведь, тот человек, кому по дешевке досталась овца, все ей курдюк приподнимал, смотрел не собаку ли ему подсунули. Так и Хакуц! Привалило дочери нежданное счастье, так старик на радостях свихнулся и, давай, к зятю придирается. «Он дурного слова о нем даже сгоряча не сказал!» – возражали добродушные сторонники Хакуца. – Откуда же берутся эти слухи?» – «Зачем слова, глаза надо иметь!» – усмехались умники. Тем не менее дождались Хакуц пригласил зятя. И все было чин-чином. Гостей собралось

множество. Угощение было на славу. Да и зять приехал с подарками в сопровождении уважаемых людей. Позже мать уверяла: было отчего соседям побледнеть от зависти. Сама же Заира в тот день чувствовала себя так, словно была отгорожена от всех прозрачной, но прочной стеной. Дорогие, давно невиданные лица, двор с его немногочисленными старыми деревьями, тщательно вымытый, убранный деревянный дом, шатер во дворе, где накрывали столы для гостей и сновали туда-сюда соседи, все сливалось в одну теплую, зыбкую картину. Заира старалась хоть краешком глаза следить за Нодаром, к которому, следуя обычаю, не решалась при всех подойти. Он был окружен друзьями и с веселым добродушием, ничуть не смущаясь, выдерживал десятки на него устремленных любопытных взглядов. Он был невозмутим, весел и видно было: он ничего не имеет против, пусть разглядывают его с утра до ночи, если им это интересно. Но Заира почему-то чувствовала себя перед ним виноватой, словно из-за нее он подвергался какойто опасности. Она жадно прислушивалась к разговорам соседок.

Те беззастенчиво разглядывая зятя, судили-рядили о его внешности, одежде, об его дружках. Все находили, что зять хорош собой, даже слишком хорош. «Словно с самого рождения забот не знал!» — заметила одна из соседок, не то с завистью, не то с осуждением. А другая определила: «Мог бы и построже держаться! Все-таки первый раз в доме тестя. А его только подзадорь, в круг кинется плясать!» у Заиры упало сердце. Сердито, уже ненавидя соседку, она подумала, что только те, кто никогда не сделал людям ничего доброго, могут осудить человека только за то, что он весел. Веселый нрав еще никому не вменялся в вину. Конечно, обычай велит зятю в первый день пребывания в доме тестя держаться скромно, незаметно, молчаливо. Так ведь Нодар — тостов не произносил... Из зависти они все это, из зависти. Зато многие хвалили зятя без всяких отговорок. Заира притворялась, что не слышит, а сама торопливо запоминала все, чтобы потом, когда волнения улягутся, перебрать в уме добрые слова о Нодаре. Нет, не хотела она, чтобы завидовали, хотела, чтобы любили... Многого она хотела.

Потом наступил вечер и она, стесняясь родителей, ушла к себе позже всех. Нодар уже спал, и она легла в темноте. А рано поутру проснулась с таким ощущением, словно кто-то за ночь перенес их в сад. Комнату заполнял теплый легкий запах персиков, у изголовья кровати на табуретке стояла большая миска с желто-розовыми бархатистыми персиками.

Проснулся Нодар, улыбнулся Заире, утро у него всегда начиналось с улыбки. И протянул руку за персиком.

— Это ты принесла? — Нет, мама...

И с благодарностью она подумала о том, что мать среди множества вчерашних забот не забыла поставить в комнату персики, как не забывала в течение двадцати пяти лет ставить около кровати мужа стакан мацони, он любил натошак выпить кислое молоко. — Я буду каждый вечер приносить тебе персики и двадцать лет и тридцать! — пообещала Заира.

— Каждый вечер персики? Да я через неделю их возненавижу и сбегу. Пожалей меня!

Нодар засмеялся и спрятал голову под одеяло.

Он был ребячлив, он был покладист, он был, был... Все это было тысячу лет назад.

— У тебя ведро наполнилось! — сказал Мард.

— Верно! — она взялась за холодную мокрую дужку ведра. Ну и глазастый, Мард, все замечаешь! Он удивленно посмотрел на нее.

— Так давно же льется через край! — подумал и добавил: Как ливень! — Точно! — обрадовалась Заира. — Как ливень! А теперь, давай, малыш, чайник поставим.

Сполоснем и поставим.

— Сам знаю, что ополоснем! — невесть отчего он опять надулся, старательно поболтал воду в чайнике, вылил, заглянул во внутрь, проверил чисто ли и отвернувшись от Заиры, подставил его под желобок.

Заира вздохнула, положив руку ему на плечо. Он вытянул шею как индюшонок, напрягся. Она сняла руку.

Однажды, было это когда Мард едва научился ходить, они втроем приехали погостить дней на десять. Нодар предпочел бы все каникулы провести в Сухуме у своих родных, но перечить Заире не стал, только договорился с ней, что сам больше двух дней не останется, а она может и погостить подольше. Отец, как всегда, был молчалив. Мать

суежилась и все больше вокруг зятя. И на дню по десять раз принималась хвалить мать Нодара, которая теперь месяцами жила в том северном городе, чтобы приглядывать за Мардом.

— Такой маме ноги надо мыть! — восклицала Гушка с несвойственным ей и потому особенно Заире неприятным умильным выражением лица. — Смотри, Заира, она родную мать тебе заменяет даже больше, чем мать. Разве я смогла бы из своей дыры выбраться и помочь тебе?

Нодар, улыбаясь, не раз говорил Заире:

— Если отец эти деньги, которые присылает матери, отдавал мне, то я на них десять нянек бы нанял, да еще нам осталось бы.

И отцу не пришлось бы на старости лет вести холостяцкую жизнь! Ехала бы мать приглядывать за ним. А мы, как ни тяжело, обошлись бы и без опеки. А? Он больше был привязан к отцу и часами мог рассказывать о нем. Родители Заиры знали, как он сильно почитает отца, хотя в доме тестя Нодар редко заговаривал о своем отце, то ли считал, что им все равно по достоинству не оценить его, то ли боялся выглядеть хвастуном.

Гушка радостно говаривала Заире:

— Тот, кто с почтением к своим относится, тот и твоих не станет обижать.

А Хакуца — Заира это услышала невзначай — однажды грубо кинул жене:

— Отчего ему отца не любить?! Нетрудно полюбить бездонную бочку, в которую за чем не сунешься, все готовенькое получаешь. Живи себе, забот не знай. Такой бочкой каждый непрочь бы обзавестись. Но, слава богу, не всем удастся.

В тот день Заира так и не заставила себя поднять глаза на отца. Видно, углядел он в ней эту перемену. И на следующий день, оседлав недавно обьеженного гнедого жеребца, кликнул дочь.

— Давно ты не вдевала ноги в стремя, неужто не тянет?

Заира вспыхнула. Школьницей она брала призы на районных скачках, и отец, как бы ни был молчалив, не мог при таких случаях удержаться: — Парнем бы ей родиться, парнем! Огонь!

И было яснее ясного: отец несказанно рад тому, что у него дочь, а не сын.

Храбростью сына не похвастаешь, а трусости его будешь стыдиться, как тяжелого позора. Другое дело, когда дочь в смелости и ловкости мужчинам не уступает.

Как ни ругалась Гушка, Заира каждый день гарцевала на скакуне под одобрительным взглядом отца. Но так было, пока она училась в школе, да и то короткое лето перед замужеством. С тех пор отец даже не заговаривал с дочерью о лошадях и нехотя отвечал на ее расспросы — о том, как прошли районные скачки, вполуха слушал ее одобрительные замечания о новом скакуне, будто не доверял более ее мнению. А на этот раз сам позвал.

— Я не прочь! — сказала Заира, подбегая к отцу.

Она разом счастливым благодарным взглядом охватила и сутулую спину отца и огненный бок высокого жеребца. Заира тотчас заметила, что на гнедом дамское седло с высокой лукой. Значит, отец оседлал коня специально для нее. Раньше Заира ездила в мужских седлах, могла вовсе и без седла обойтись, набросить на спину коня попону и лучшего не надо, но то было раньше... Нодар стоял поодаль и смеялся. Спустилась с крыльца Гушка, держа на руках Марда, недовольно заметила:

— Вечно что-нибудь затеешь!

— Ничего, пусть ветром обдует! — улыбнулся отец. — Дай я тебе стремя подержу, — предложил он ласково.

— Как можно! словно ты мальчишка! — запротестовала Заира и, вдев ногу в стремя, легко вскочила в седло.

— Совсем как Петушкова! — засмеялся Нодар.

— Это наездница такая, всему миру известная! — наклонилась к отцу Заира.

— Я-то подумал какая-нибудь соседка по сухумскому вашему дому! — сказал отец.

Заира тотчас выпрямилась, дернула поводья.

— Осторожнее, жеребец с норовом! — предупредил отец.

— И почище коней видали! Отец молча отошел в сторону. Гнедой покосился на него, сделал нехотя несколько шагов и остановился. Он чувствовал, что Заира давно не ездила верхом и не торопился подчиниться ей.

— Плетка по тебе плачет! — пробормотала Заира.

— Дай ей меж ушей, ходко пойдет! — крикнул Нодар.

Краем глаз Заира заметила как отец, побагровев, круто повернулся к нему, но промолчал...

Нодар поднял с земли бамбуковый прут и, держась на безопасном расстоянии за кончик, протянул Заире.

Гушка засмеялась:

— Оставь их, Нодарик, что дочь, что отец на конях помешались, будто лучшего не видели...

Заира схватила прут и что есть мочи хлестнула по боку гнедого.

— С ума сошла! — услышала она окрик отца.

А гнедого как подменили. Он задрожал, будто впервые почувствовал ношу, изогнул шею и прямо понесся к высокой изгороди.

Гушка вскрикнула. Гнедой шарахнулся в сторону, Заира едва удержалась в седле. Туго стянула поводья! Конь тотчас встал на дыбы. Еще громче вскричала Гушка.

— Ослабь поводья, ослабь, — кричал отец. Но она и сама уже ослабила слева повод и заставила коня повернуть к настежь распахнутым воротам, пусть он вынесет ее на вольный луг, а там она справится, лишь бы гнедой не налетел на высокий забор...

К ней наперерез бежали отец и Нодар

— Возьми под уздцы, под уздцы! — кричал отец Нодару, заметив, что зять обгоняет его.

На миг перед конем мелькнуло белое лицо Нодара, но тотчас он отскочил в сторону, взбешенный конь несся прямо на него.

Отец перехватил гнедого у самых ворот.

Заира просила:

— Не надо, я сама, не надо.

Опасалась, что гнедой собьет отца.

Но он уже висел на коне, туго стягивал поводья и крепко вцепился в холку.

— Спрыгни! — велел он, багровый от натуги. — Спрыгни! Не бойся.

— Нет, — твердо сказала Заира. — Прошу, отпусти поводья. Уж больше он не посмеет, дай мне выехать со двора, я справлюсь с ним. Отпусти, прошу тебя.

Во дворе на чем свет стоит ругалась Гушка, проклиная мужа.

На ее руках заливался смехом маленький Мард. Рядом с Гушкой стоял Нодар и издали наблюдал за ними.

— Отпусти! — повторила Заира. — Прошу тебя.

Гнедой, прядая ушами, дрожал, часто-часто перебирал ногами.

— Мать съест меня живьем, если отпущу! — улыбнулся отец. — Да и молодец твой...

Видишь, потерянный... Испугался за тебя... Зла ведь тебе не желает, а еще меньше себе...

Первый раз отец заговорил с ней о Нодаре.

— Отпусти! — закричала Заира. — Отпусти! Больно ты его разбаловал! Через час приведу — не узнаешь! Шелковым станет! Отец молча отпустил. И она погнала коня к кособору далеко за воротами. Она знала, что отец из-под руки смотрит ей вслед, и старалась держаться прямо.

Мард поднял полный чайник, ладонью старательно обтер его выпуклые мокрые бока и, немного кренясь набок под тяжестью чайника, понес воду. Заира двинулась за ним, сдерживая шаг, чтобы он не заторопился, почувствовав ее нетерпение.

— Хочешь, в субботу возьмем и сбежим в Сухум? Покупаемся вдоволь, мороженым полакомимся!

— Ерунда мороженое! — сказал Мард, не оборачиваясь. — Забава и только.

— А что не забава, что именно для тебя не забава?! Расплескивая воду, она обогнала его и заспешила к дому. Но поднявшись к калитке, не удержалась, оглянулась.

Мард стоял посреди тропы, рядом с ним, как кузнечик, зеленел чайник. Мард не торопился, отдыхал. Он не устал. Отдыхал нарочно, чтобы Заира поскорее ушла, и сердился. Ему хотелось в Сухум... Он всего два раза был в Сухуме. Дед возил. Но купаться не купались. Некогда было. Они ведь по делу ездили.

И мороженого хотелось. Дед говорит, что всю жизнь прожил без мороженого и ничего... Может так, но все равно мороженого хотелось. Возможно он и поехал бы с Заирой, если бы она была не такой приставучей. А то станет его выпрашивать: это тебе нравится, да как то?.. Не понимает она, не следует мужчине пялить на все глаза и ахать.

Почему она у деда не спросит, он бы ей рассказал... В последнюю поездку в Сухум Мард видел мороженое не только в стаканчике – такое он много раз ел, а на палочке. Коричневое такое, как конфета, плоское. Еще оно было в капельках, как в росе... Вкусное, наверно. Все равно, ерунда, инжир вкуснее. И за него денег не надо платить. А денег дед не печатает...

– Скоро ты, Мардик? Я пошла!

Он промолчал. Обогнала вот, а теперь спрашивает – скоро ли, раз обогнала, так пусть бы уходила...

Заира открыла калитку и, высоко неся голову, пошла к дому.

Вода выплескивалась из ведра.

– Заира! – позвала Гушка, виновато поглядывая на Мысу. Умереть мне раньше нее, старается втихомолку все мои дела переделать, – объяснила она.

– Потому и минуты не посидит с тобой.

Каждый день к вам собирается зайти, но в доме работе – конца не видно, замучили ее совсем.

– Оставлю тебя на минуту, Мыса...

– Да и мне пора! – сказала Мыса. – Засиделся...

– Куда торопишься? Сейчас хозяин вернется. В такую жару только отцу Заиры могло прийти в голову отправиться в лес.

Прутья ему, видите ли, нужны для плетня. Ну, думаю, жара и его скоро из лесу выгонит.

– Работой не пренебрегает, потому дом – полная чаша! – лукаво улыбаясь, сказал Мыса.

Сам он не перетруждался и других, кто без усталости обрабатывал землю, не понимал, хоть при случае всегда похваливал рачительных хозяев. «Кто рот нам дал, тот что-нибудь в него положит!» – добродушно усмехаясь, думал он. – Чего суетиться? Теперь Мыса с улыбкой смотрел вслед Гушке. Непокойно у нее на душе, хоть и старается виду не подавать. У него нет своих детей, но понимает, как за них душа может болеть. Не удалась жизнь дочери Хакуца... Учись не учись на доктора, старайся не старайся, а захочет счастье выскользнуть из рук – не удержишь, особенно, когда его больше привалит, чем полагается. И странно это вышло с Заирой-то! Вначале все вроде правильно пошло. Родичи Заиры повели себя как надо. Как только узнали, что муж Заиры лишает ее ни за что ни про что своего дома, будто она сирота какая-нибудь, за которую и заступиться-то некому, так тотчас показали, что даром ему это не пройдет; мол, пусть вначале объяснит, чем она ему не угодила, а потом расстается. Правда, слух прошел, будто бы сама Заира ушла. Но кто поверит в это! Где это видано уходить самой из щедрого, всеми уважаемого дома? Родичи об этом слышать не хотели. И про ребенка сказали, мол, раз на то пошло, так пусть ребенка родня отцовская и воспитывает, чью фамилию носит, те пусть и воспитывают. И отец Нодара не возражал. Оказывается, заявил, что в его доме десять внуков безбедно могут вырасти, не только один. Спина-то крепкая у него, достаток свой чувствует, потому и говорит такое. А Хакуц возьми да и замни все дело. Никогда он ни от кого самой малой обиды не терпел, тут же его как подменили... Слова никому сказать не дал. И Заира ушла от мужа и даже платье своих не взяла. Не собаки ведь ее в тот дом загнали, чтобы так вот с пустыми руками уйти. И все найтвое добро – сын – одни заботы. На старости лет Хакуцу его на ноги поставить надо, нелегко это... Не хотели родичи Хакуца с такой несправедливостью мириться, правильно не хотели. Но Хакуца разве переспоришь? Он по пустякам хорохориться не станет, а как заупрямится, так с места не сдвинешь, хоть осла заставь над ухом кричать. «Дочка сама разберется!» – сказал он. Слышали такое? Будто каким-то необычным умом она наделена... Был бы ум необычный, так и не позволила бы собой пренебречь... Внук у Хакуца растет замечательный, что правда, то правда. Умно, совсем по-взрослому рассуждает, любо-дорого слушать. И деду помощник. Такой малый, а уже помощник. Впрочем, попробуй у Хакуца не стать помощником... Гушка нашла дочь на кухне. Она стояла, ссутулившись, у лавочки и крепко держалась за край мокрого ведра.

– Уснула, что ли? – окликнула Гушка.

Заира распрямила плечи и промолчала.

Гушка глубоко вздохнула, уперла руки в бока и задумалась.

Вспомнилось ей возвращение Заиры. В доме ждали приезда дочери и зятя не раньше

августа. Правда, это не мешала Гушке с наступлением лета все чаще поглядывать за ворота, а не распахнутся ли они, впуская долгожданных гостей. Марда они с шутливой почтительностью пропустят вперед. Теперь он безо всякой посторонней помощи может преодолеть расстояние от ворот до дома. Ясное дело, материнское сердце Гушки прежде всего потянется к дочери, но она и виду не подаст, кинется вначале навстречу Нодару, едва достанет до его упругой щеки, поцелует, попытается обойти вокруг него – мол, пусть перейдут все твои горести на меня – но он теперь не дастся. Это раньше он покорно стоял перед ней, видимо полагая, что главное – не перечить. А теперь не дается, возьмет в свои мягкие как у юной девушки, ладони ее руки и будет с улыбкой просить: «Не надо, прошу, это лишнее».

Должно быть, Заира объяснила ему, что нельзя допустить, чтобы твои горести принял на себя другой. И все равно у него все получается умело и красиво... Потом Гушка подхватит на руки тяжелого, крепко сбитого Марда. Наконец, подойдет и к дочери, поцелует, почему-то смущаясь присутствия Нодара. Но задолго до этого приметит хорошо ли, покойно ли на душе у дочери. Хотя и Заира и ее отец считают, что умеют глубоко прятать свою тревогу и людям даже невдомек об их печалях, Гушка насквозь их видит...

А тот день был не очень жаркий, несмотря на разгар лета. Накануне прошел ливень и земля была влажной, сырой, поэтому-то и дышать было тяжело, казалось, воздух разжижен и приходится его глотать как воду. Гушка подметала во дворе, то и дело утирая пот лица, когда едва слышно звякнула калитка. Она распрямила спину и на миг то ли от духоты, то ли от того, что долго работала согнувшись, почувствовала, как в глазах потемнело, словно внезапно наступили сумерки и в этом неверном свете Гушка увидела дочь. Заира шла от калитки, ведя Марда за руку, а другую руку оттягивала большая сумка. Вначале Гушка подумала, что ей показалось, но в следующее мгновение в глазах прояснилось и она отчетливо увидела и Заиру, и Марда. Она радостно ахнула, кинулась им навстречу.

И тотчас – чувствует все материнское сердце – поняла: стряслось неладное. Заира улыбалась ей и на тревожный вопрос, не случилось ли беды, спокойно ответила, что волноваться незачем, а Гушка все не могла унять тревоги.

– Почему не дала знать, отец встретил бы. Измучилась, наверно, одна с ребенком и ношей, – упрекнула она дочь.

– Верно, устала, – сказала Заира и покраснела, будто призналась в чем-то стыдном.

– И как не устать в такую жару, с ребенком, с грузом...

– Да нет, мама, не от ноши, я налегке жить устала.

Сказала и усмехнулась. Гушка опешила от ее усмешки, а пуще всего от непонятных слов дочери, но предпочла не допытываться, что да как.

– Почему это вы без моего Нодара приехали? – улыбнулась дочери. – Не будет вам сегодня к обеду индюшки и не надейтесь, подожду, пока мальчик придет.

Дочь даже улыбкой не поддержала шутку матери, молча прошла на кухню.

Гушка следовала за ней с Мардом на руках, который беспокойно вертелся, пытаясь сползти на землю.

– Где отец? – спросила Заира.

– Придет скоро. Ты лучше скажи, когда Нодара ждать. Ведь он в этом году намеревался в нашей больнице поработать.

– Разве? – рассеянно удивилась Заира.

– Говорил ведь, если ничего не подвернется другого, то поработает здесь.

– Значит подвернулось другое... И, вообще какой толк всю жизнь среди больных проводить.

– Вот видишь! – сказала Гушка довольно. – Говорила же я тебе, когда ты на доктора учиться собралась, говорила, иди, Заира, в учителя. Доктором стать оно, конечно, почетно, но сама понимаешь, нелегко это в чужих болячках разбираться. Если даже кто-то из своих долго хворает и то устаешь, а уж с чужими больными дело иметь... Говорила я тебе... ты и слышать не хотела. Теперь, оказывается, мать была права. Она чаще бывает права, мать-то, чем кажется вам, молодым.

– Может так, – с несвойственной ей покорностью, согласилась Заира. – Твой зять непременно тебя поддержал бы.

– Умный, потому и согласился бы...

Заира стремительно схватила ведро с ковшиком и быстро вышла.

– Ноги помою, запылились, – сказала она с порога.

Мыла она ноги долго, старательно. Гушка вышла к ней, предложила слить воду, но она не дала.

– Когда все-таки Нодар к нам выберется? – Лучше бы он никогда к нам не выбирался, мама.

Заира рывком подняла голову. Лицо ее пылало неровным румянцем, будто в жару сидела у очага.

– Где же отец?

– Где, где! Изгородь вокруг поля чинит, где ему быть, председательского места еще никто не удосужился предложить.

– Я сбегаю к нему...

– Зачем? Кликни, сам придет, не привязан же он там на самом деле.

– Лучше к нему пройду! – заторопилась Заира, пряча глаза от матери.

Мард потянулся за ней, но Гушка подхватила его на руки.

– Пойдем, день мой ясный, пойдем, покажу котенка. Смотри, где он сидит, под лавочкой...

Забавляла Гушка внука и так и этак, старалась его подбросить повыше, щекотала лицом его нежный гладкий живот, мяукала вместо упрямо свернувшегося в клубок котенка, а думала только об одном: неладно у дочери. Чует сердце: пришла беда, среди ясного дня открыла дверь и вошла в дом... Отец и дочь вернулись усталые, изнуренные, будто пришлось им, прежде чем добраться до дома, осилить нелегкую дорогу. Гушка услышала, как Хакуц угрюмо сказал дочери: «Не дай себе озябнуть, Заира...» Это в летний день-то? Хакуц издали поглядел на внука и не заходя в дом, прошел к алыче посреди двора и уселся в ее тени. Заира рядом прислонилась спиной к стволу и, задрав голову, смотрела на белые стремительные облака, что неслись по жаркому небу.

Обидно стало Гушке, да и кому не было бы обидно на ее месте.

Она громко с порога велела дочери сходить в огород, собрать свежих помидоров. А как только дочь ушла, приступила к мужу.

На этот раз она не стала его щадить и потребовала, чтобы он выложил напрямик, что стряслось у дочери.

– Не тревожься, старуха, – сказал он неожиданно мягко. – Крепкие кости у Заиры, не согнешь!

– Что не сгибается, то ломают! – напомнила Гушка, поражаясь гордости, прозвучавшей в его голосе.

Чувствовала она и как верно чувствовала: гордиться нечем.

– Не тревожься, – повторил Хакуц, но объяснять ничего не стал.

– Долго ли ты будешь вокруг да около ходить! – рассердилась вконец Гушка.

Скажи прямо, что за напасть свалилась на нашу голову.

– Видишь ли, Заира решила вернуться домой.

– Это что, учебу бросить?

– Учебу она не бросит, – решительно сказал Хакуц. – Но кроме нашей хибарки, у нее нет больше дома.

Он сердито отвернулся от нее и, задрав голову, принялся рассматривать ветви алычи в желтых, как янтарь, перезрелых плодах.

Гушка была так ошарашена, что и слова вымолвить не могла. Но потом она взяла себя в руки.

– Что за молния ударила между ними, скажи! – потребовала она.

– Дороги у них разные, вот что...

– Какие такие разные дороги? Чего еще надо твоей дочери? Могла ли она мечтать, когда месила деревенскую грязь, о нынешнем достатке. Могла ли? Хорошей жизни она не знала, теперь понять не может своего счастья, вот что... Или... – тут Гушка похолодела от одного предположения, – может, Заира, не угодила чем-нибудь его родне или ему самому? Легко ли угодить...

Хакуц обернулся к ней и посмотрел тяжелым взглядом:

– Бедность не всегда в прорехах встречается, бывает и в богатом уборе. Ее не сразу различишь, но если ты все-таки зрячий – увидишь, а увидев, что толку закрывать глаза и прятать голову? Да и какой зрячий захочет ослепить себя?

– О чем ты? – спросила Гушка испуганно.

Она всегда пугалась, когда Хакуц начинал говорить запутанно, неясно, правда, многое

она умела угадывать и по намекам, но теперь ничего не понимала. О какой это бедности он толковал? И какое это могло иметь отношение к Нодару, щедрому, не знавшему нужды, Нодару? И тут ее осенило: должно быть, и сам Хакуц знает не больше, чем она, вот и пытается запутанными речами скрыть свое незнание.

— Если вышла у детей размолвка, так прикрикнул бы на дочь, постарался бы уладить все миром, чем попусту языком молоть! сказала она и, завидев Заиру, которая шла с миской, полной багровых помидоров, поспешила на кухню.

Перебранка с мужем, а главное его неопределенные слова успокоили Гушку. Решила, что поссорились дети из-за пустяка, так помирятся, а что дочь сильно переживает, так понятно: любит, потому и переживает... Не думала тогда Гушка, что Заира разом вырвет как неокрепшее деревцо свое счастье и бросит его сохнуть... Думала, обойдется... Не обошлось. И ведь не знает до сих пор Гушка, какая пропасть пролегла меж дочерью и зятем. Не знает даже как людям объяснить, что произошло... стыд один. Разве кто-нибудь поверит, если скажешь, что Заира взяла на руки ребенка и молча ушла из дома, где всего вдоволь, где никто грубого слова ей не сказал, а наоборот все одаривали ее, сколько одних колец ей подарили. Ушла, а причины, хоть плачь, никакой нет. Как объяснишь такое людям? До сих пор Гушка не может поверить, что все кончилось... А Хакуц сказал: «Не могла же она всю жизнь спать, выросла и проснулась». Пойми теперь из этого что-нибудь! Болит у Гушки по Нодару сердце — лучшего родственника она самым близким людям не пожелала бы — и знает она, что есть тут вина Хакуца. Если бы он не поддержал тогда дочь, возможно, сложилось бы все иначе. Ведь не стала же Заира перечить отцу, когда он сказал, что надо будет оставить дома Марда, пока Заира закончит учебу. Как вначале она упрямылась, мол, уеду непременно с Мардом, перебьемся.

Гушка втолковывала ей, что не следует мыкаться с ребенком в чужих краях, будто в отцовском доме ему места не нашлось.

Объясняла ей, что стыдно будет людям в глаза смотреть, если отпустит дочь с малым ребенком одну.

«Что подумают люди!» — в который раз говорила Заире Гушка. — Решат ведь, что поленилась за единственным внуком смотреть. Хочешь, чтобы меня бессердечной посчитали?» И все попусту. Дочь стояла на своем. Хакуц же сказал одно, мол, неправе Заира брать сейчас с собой Марда, она едет учиться трудному ремеслу и чтобы был толк, надо отдать этому делу все силы. Ничего ведь такого не сказал, а Заира подчинилась, не захотела против отца пойти... Если бы с Нодаром отец повел себя умнее... Нет, не забудет этого ему Гушка, не забудет...

— Оставили калитку открытой, поросята весь двор изрыли! О чем только думаешь!

— Да не о чем, мама, о чем мне думать?!

— Не знаю о чем, но перед соседями стыдно за твой вид...

Подумают еще, ополоумела вдали от дома. И что прячешься? Человек в гости пришел, могла бы и внимание уделить.

Заира промолчала.

— Где сорванец? Накорми его, видишь, мне некогда.

Заира согласно кивнула и прошла к выходу.

— Мард! — позвала с порога. — Где ты, Мард?!

Он не отозвался!

Она сбежала к роднику. Чайник стоял на тропинке, сына не было.

— Мард! — закричала она во весь голос и поежилась, будто от ее крика отступила изнуряющая жара, оставив ее холоду.

— Нельзя так! — зло сказала она себе. — Пора уже привыкнуть. Не впервые ведь он убегает. Вот и в прошлый раз чуть не надорвалась, выкликая его имя, а он сидел неподалеку, в лесочке, что сразу за лугом начинается, и кромсал острым дедовским ножом какой-то чурбанчик. Сколько раз говорила ему Заира: «Не смей с ножом уходить!» А ему бы только улучшить минуту и ищи ветра в поле. Главное, разрешает же ему Заира мастерить дома сколько угодно, лишь бы на глазах был. А он дома даже палочки не обстругал.

Отыскала его Заира, а Мард и головы не поднял, пока она не подошла вплотную и не сказала мягко, не давая волю гневу:

— Раз тебя кличут, надо отозваться! Он выскочил с места, вытаращил на нее глаза и неожиданно улыбнулся, растворив всю ее обиду в этой дружеской улыбке.

– Так ты, пожалуйста, для другого раза запомни, зовут подай голос! – сказала она весело и даже заговорщицки подмигнула.

– Я не слышал, – он посмотрел на нее не таким сумрачным, как обычно взглядом, наверно, чувствовал вину.

– Не слышал, что зову?

– Не...

– Ну и врун же ты, Мард!

Он тотчас сердито сдвинул брови и отчеканил:

– Мужчины никогда не врут!

Она собралась было улыбнуться его забавной торжественности.

Но Мард быстро обошел ее и кинулся бежать к дому.

– Осторожнее, споткнешься! – закричала Заира и зажмурилась. Ведь нож в руках – острый нож, долго ли упасть и напороться на него?! – Осторожнее! – Когда она открыла глаза, Мард был уже далеко: входил во двор. Она смотрела, как он тщательно закрывает за собой калитку, вплотную к ней подвигает доску, полощенную у ворот, чтобы поросята не пролазили, и неожиданно поверила, что он действительно не слышал ее. Вечером она попыталась сказать Марду об этом.

– Зайчик, ты меня не слышал из-за ветра, он дул мне в лицо и унес голос в другую сторону.

В ответ сын фыркнул и побежал к деду, который за домом рубил дрова. А Гушка сказала Заире:

– Что ты ему сказки рассказываешь? Он этого не любит.

Должно быть и сейчас Мард затаился где-нибудь в укромном месте и не отзывается.

Назло не отзывается... Почему только Заира поверила тогда, что он ее не слышал?

Нарочно не отзывается, паршивый мальчишка... Но сегодня такой жаркий день... И змея могла выползти на тропинку, а он босиком...

– Мард! Где ты, Мард?! Заира бегом кинулась к лесу.

– Эй, эй! – отозвался отец. – Слышишь, Заира, мальчик со мной.

Добежав до опушки леса, Заира прислонилась к молодой шаткой ольхе.

– Скажи ему, пусть на глаза не попадается, уши надеру! – крикнула, глотая слезы.

Из-за глубины леса торопливо вышел отец, потный, сутулый, со слипшимися волосами.

Он тревожно оглядел дочь, улыбнулся.

– Знает парень, где работаю, вот и прибежал помогать.

– Мог бы сказать, а то бросил чайник на полпути...

– Он ненадолго, – примирительно сказал отец. – Думал, наверно, обернуться, пока вы его хватитесь. Да и я уже собрался передохнуть, пошли.

Она замешкалась.

– Велел ему прутик выбрать, чтобы козлят загонять, выберет и придет...

– И долго мне его ждать?

– Подожди, Заира, – тихо и серьезно сказал отец. – Сама знаешь, не краткий путь к тебе ему выпал, но придет, только не торопи, и сама навстречу не беги, надорвешься ведь. Долгий путь терпением преодолевают.

– Обедать пора, – стараясь взять себя в руки, сказала Заира.

– Так идем, мальчонка нагонит, ноги у него быстрые...

Она молча пошла рядом с отцом и ни разу не обернулась. Все равно знала: сын издали следует за ними, похлопывая по босым ногам тоненьким прутиком и глаз не сводит со спины деда. И все равно, конечно, видит Заиру.